
СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЖЕНЩИНЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ББК 67.411

Т. Е. Щенина

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ К ОБВИНЯЕМОЙ-ЖЕНЩИНЕ

Закон устанавливает цели и задачи кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, для выяснения причастности задержанных к преступлению и разрешения вопроса о применении к задержанному (задержанной) меры пресечения. Несмотря на детальную регламентацию системы мер уголовно-процессуального принуждения и пресечения, порядка их применения, ни Конституция РФ, ни Уголовно-процессуальный кодекс РФ при наличии целого ряда решений Конституционного суда РФ, имеющих прямое отношение к обоснованию условий допустимости ограничения прав и свобод личности при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, не содержат определения понятия мер уголовно-процессуального принуждения.

Между тем в специальной литературе решению этой проблемы уделено определенное внимание. Многие ученые [5, 9, 12], в том числе А. М. Медведев [11, с. 33—47], ратуют за то, чтобы мера процессуального принуждения — заключение под стражу — избиралась как можно реже. 7 ноября 2008 г. Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев заявил, что арест является исключительной мерой пресечения, а потому должен применяться лишь по отношению к действительно опасным преступникам. Президент также высказал недовольство количеством уголовных дел, «которые расследуются долго», при этом не соблюдаются сроки предварительного следствия, а соответственно нарушаются права обвиняемых, которые в течение длительного срока находятся в следственных изоляторах. По словам Президента, это не только приводит к тому, что «тюрьмы переполнены, но и создает большие проблемы для последующей социализации этих людей» [7].

По статистическим данным, в России 60 000 женщин отбывают наказание в исправительных колониях [15]. Так, в г. Сарапул Удмуртской Республики в 2003 г. было открыто Федеральное государственное учреждение «Исправительная колония № 12 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Удмуртской Республике» для женщин. На момент открытия осужденных женщин было 85, по состоянию на 1 апреля 2010 г. количество осужденных женщин составило 1 тыс. 291 человек (по сравнению с 2003 г. оно

возросло на 152 %) [14]. Хотелось бы особо отметить то обстоятельство, что в данной колонии отбывают наказание женщины, совершившие преступление на территории УР. Проблема содержания женщины (подозреваемой, обвиняемой, подсудимой), как в России, так и в Удмуртии, стоит крайне остро, в связи с чем в январе 2010 г. в УР открыт первый следственный изолятор для женщин (на 77 мест).

По данным Федеральной службы исполнения наказаний, в последние годы отмечается стабильный рост численности лиц, арестованных за преступления небольшой и средней тяжести (в 2006 г. — 104 тыс. человек, в 2007 г. — 135 тыс., в 2008 г. — 147 тыс., в 2009 г. — почти 160 тыс., а за первый квартал 2010 г. — уже почти 120 тыс.). По той же информации, доля таких лиц в 2009 г. составила от 42 % до половины от общего числа всех привлекаемых к уголовной ответственности. В 2009 г. из зала суда были освобождены 82 тыс. человек, которые до судебных решений провели в камерах следственных изоляторов многие месяцы. Не все из них были оправданы, но в отношении подавляющего большинства судами были избраны меры наказания, не связанные с лишением свободы. А 2000 человек вообще были признаны невиновными и отпущены за отсутствием состава преступления. Получается, что всех этих людей можно было и не арестовывать. Содержание под стражей упомянутых граждан обошлось государству, т. е. налогоплательщику, в круглую сумму — почти 2,5 млрд рублей. Это материальная сторона вопроса. Но нам представляется не менее, а более важным моральный аспект [6].

Мы солидарны с высказанным в юридической литературе мнением о том, что повод для этого дает сам уголовно-процессуальный закон, установивший общие основания избрания любой меры пресечения, тогда как для заключения под стражу как исключительной меры пресечения необходимо предусматривать особые основания и учитывать определенную категорию преступлений, по которым возможно применение указанной меры пресечения [13, с. 37]. Основаниями к задержанию являются определенные факты, вынуждающие применять эту меру процессуального принуждения. Человек, заключенный под стражу на время проведения следствия и суда, практически выпадает из общества, кардинально меняются его статус, условия быта, сфера деятельности, круг общения, он лишается целого ряда социальных благ. Негативные последствия заключения не исчезают полностью даже после его возвращения на свободу. Правильное уяснение существа каждого из оснований к задержанию и отграничение их друг от друга имеют для адвоката-защитника большое практическое значение.

Особенно тяжело задержанной (женщине), которая лишается не только свободы, но и свободы передвижения, возможности общения с другими людьми, возможности распоряжаться имуществом, страдает ее физическая и нравственная неприкосновенность, она терпит иные многочисленные неудобства, связанные с бытом, проживанием, медицинским обслуживанием, она, как правило, несколько суток пребывает в состоянии сильнейшего стресса, вызванного резкой переменой положения, который способен вызвать чувство безысходности и бесполезности защиты даже у невиновной, что может

послужить причиной самоговора [1, с. 44]. Часто при задержании подозреваемой (женщины) применяется физическая сила. В милиции все еще имеют место случаи применения недозволённых методов обращения с задержанными ради получения признательных показаний, показаний против других лиц в первые часы после задержания. Людей в милиции, как констатируется отдельными авторами, нередко избивают, подвергают жестокому обращению и пыткам [4, с. 41—42]. При этом задержание по подозрению в преступлении — весьма распространенное явление.

Судебная практика Европейского Суда оказывает воздействие на уголовную политику государств, которые сталкиваются с серьезными критическими ситуациями, а иногда и мятежами, вызванными переполнением тюрем и завышенными сроками предварительного содержания под стражей. Отсюда ответственность Европейского Суда за свою судебную практику и ее влияние на уголовную политику.

Действующий уголовно-процессуальный закон (ст. 107 УПК) предусматривает новую меру пресечения — домашний арест. За рубежом домашний арест и по сей день является самой распространенной мерой пресечения. У нас, как показывает судебная практика, домашнее заключение под стражу применяется крайне редко. Мера пресечения «домашний арест», неизвестная УПК РСФСР 1960 г., занимала достойное место и в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., и в УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. Введение домашнего ареста в перечень мер пресечения действующего УПК России, на наш взгляд, заслуживает всяческого одобрения, как, впрочем, и введение любой другой меры, способной быть альтернативой заключению под стражу. Тем не менее не всеми эта идея воспринимается однозначно. Не едины во мнении и ученые-процессуалисты. Е. В. Гусельникова, например, возражая против данной меры пресечения, ссылается на недостатки применения домашнего ареста в период с 1864 по 1903 г., а также в 1922—1926 гг. [8, с. 10]. Пока применение домашнего ареста несколько затруднено, т. к. на сегодняшний день отсутствует полноценная детальная правовая регламентация данного института [3, с. 95—112]. В ч. 2 ст. 107 УПК установлено, что домашний арест избирается на основании и в порядке, установленных для заключения под стражу, с учетом возраста обвиняемой (подозреваемой), состояния ее здоровья, семейного положения и других обстоятельств. Несмотря на то что женщина способна совершить преступление, необходимо тщательно разобраться в том, что побудило ее к его совершению, а к избранию меры наказания суду следует подходить более гуманно, учитывать биологические функции женщины как продолжательницы рода человеческого. Женщина — мать своих детей, которым она необходима. Государство и законодатель гуманно относятся к женщине-матери и стараются ее поддержать. При решении вопроса о применении в качестве меры пресечения заключения под стражу орган, избирающий эту меру пресечения, должен выяснить, имеются ли у обвиняемой (подозреваемой) дети и не могут ли они остаться без надзора в случае ареста их родителя или лица, его заменяющего.

Уже имеется положительная практика ряда зарубежных стран по применению в отношении лиц, которым избрана мера пресечения в виде

домашнего ареста, электронных средств слежения, в частности, в Великобритании и Франции электронные браслеты применяют с 2004 г. В США электронный мониторинг используется в 49 штатах из 50, в Европе его особенно активно применяют Британия, Швеция и Нидерланды [2, с. 11]. Действует эта система в Австралии, Новой Зеландии и в некоторых развивающихся странах. По статистике ежегодно в мире выносятся более 100 000 судебных решений о применении электронного мониторинга. В Швеции осуществляется интенсивный надзор с применением электронного мониторинга, который заключается в том, что на лодыжке человека, за которым установлен надзор, закрепляется манжета со специальным передатчиком, направляющим радиосигналы на компьютер в офисе управления исполнением наказанием. В компьютер заложен режим для каждого поднадзорного: учеба, работа, дом, маршруты передвижения и т. д. Если поднадзорный нарушает свое расписание, срабатывает сигнализация. Согласно шведской статистике, вновь совершают преступления после отбытия наказания в обычной тюрьме 24 % осужденных, а после домашнего ареста — 13 % [10, с. 7].

По опыту зарубежных стран, на территории России — в Воронеже, Рязанской и Московской областях, Пермском крае — в порядке эксперимента введена электронная «браслетизация» осужденных. Еврокомиссия выделила России на электронную систему мониторинга 3 млн евро, из которых 500 тыс. пошли на закупку собственно оборудования и 2,5 млн — на обучение сотрудников ФСИН. Это небольшие коробочки на пластиковом ремешке, по весу — не тяжелее мужских часов среднего размера. По словам представителя управления ФСИН по Воронежской области подполковника А. Бабкина, сразу же после презентации в колонии-поселении и уголовно-исполнительных инспекциях начались испытания 218 комплектов оборудования.

Для испытаний используются три вида «браслетов» — с передатчиком на спутниковую навигационную систему, для работы в системе сотовой связи и по обычным телефонным линиям. При этом сотрудники ФСИН в режиме реального времени будут знать о месте нахождения человека.

Мы полагаем, что такая мера пресечения, как использование электронных браслетов в отношении подозреваемых, обвиняемых, осужденных (женщин) и особенно несовершеннолетних лиц женского пола, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, может быть использована судами в качестве одной из приоритетных мер наказания, которая, в свою очередь, не повлечет за собой дополнительных материальных расходов государства на содержание под стражей, а для подзащитной и несовершеннолетних будет являться моральным стимулом для исправления.

Библиографический список

1. *Безлепкин Б. Т.* Судебно-правовая защита прав и свобод граждан в отношениях с государственными органами и должностными лицами. М. : ЮрЛитИнфоР, 1997. 62 с.
2. *Белаиш В.* Амбулаторное заключение // *Власть*. 2006. № 17/18.

3. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск : Омск. акад. МВД России, 2003. 320 с.
4. Васильева Е. Г. Меры уголовно-процессуального принуждения / БашГУ. Уфа, 2003. 136 с.
5. Власов И. С., Тяжкова И. М. Ответственность за преступления против правосудия. М. : Юрид. лит., 1968. 134 с.
6. Выступление первого заместителя председателя Комитета Государственной думы по безопасности М. И. Гришанкова на «круглом столе» на тему: «Актуальные проблемы применения мер пресечения и наказаний, не связанных с лишением свободы» (Москва, Государственная дума, 13 ноября 2008 года). URL: <http://www.rg.ru/sujet/3749.html> (дата обращения: 07.12.2009).
7. Выступление Президента Российской Федерации Д. Медведева на совещании по вопросам правоохранительной деятельности в России 7 ноября 2008 года, Санкт-Петербург. URL: <http://www.newsru.com/russia/11nov2008/homearrest.html> (дата обращения: 07.12.2009).
8. Гусельникова Е. В. Заключение под стражу в системе мер пресечения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. 21 с.
9. Здравомыслов Б. В. Должностные преступления : понятие и квалификация. М. : Юрид. лит., 1975. 167 с.
10. Куликов В. На осужденных надеты электронные кандалы // Скрытая камера. 2002. № 1.
11. Медведев А. М. Проблемы уголовного и уголовно-процессуального законодательства. М. : Росби, 1994. 68 с.
12. Милуков С. Ф. Обстоятельства, исключаящие общественную опасность деяния. СПб. : СПбГУ, 1998. 122 с.
13. Никодимов А. Заключение под стражу — «любимая» мера пресечения российского уголовного процесса? // Российская юстиция. 2007. № 6.
14. URL: http://index.org.ru/neuo/1/2009-2/crim_n.11.htm (дата обращения: 09.12.2009).
15. URL: <http://index.org.ru/turma/st/040217.htm> (дата обращения: 07.12.2009).
16. URL: : <http://www.vesti.ru> (дата обращения: 08.12.2009).